

СНОВА НА РОДИНЕ

перед рабочими Парижа волшебные сокровища музыки Балакирева и Мусоргского. В 1945 году произошло в жизни Олениной событие, о котором она не может говорить без волнения.

О «горьких и бездомных» рассказывали слова песни. Вольно страдавшей бедности переворачивал душу. Голос, интонация, дикция, выражение певички — все это так естественно, так правдиво гармонировало с музыкой, что казалось — не пение артистки слышали в зале, а самую музыку.

Брюссельский концерт Марии Алексеевны Олениной подходил к концу. Уже были исполнены произведения Баха, Глюка, Бетховена, Шуберта. Теперь она пела Мусоргского. И как пела!.. Каким же редким даром надо обладать, чтобы так передать душу и творческую страсть великого русского композитора! Казалось, все нюансы человеческих чувств были одинаково доступны певичке — и глубокий, роковой трагизм «Песен и плясок смерти» и трогательно-наивный лепет «Детской».

После концерта за кулисами невеста какими путями попавшие в зал спириты уверяли мужа певички, французского писателя Пьера д'Альгейма, что во время концерта они видели на эстраде самого Мусоргского. «Видела ли его в жизни госпожа Оленина?» — спрашивали они... Видела ли? Нет. Но любила самозабвенно и страстно.

— Родилась я в 1869 году, — рассказывает нам певичка, на днях приехавшая в Москву из Парижа, где она жила с 1918 года. Наша семья жила в Рязанской губернии под Касимовым в деревне Истомино. Пела я с тех пор, как себя помню. Вокруг все пело. Казалось, земля поет, когда с полей доносились грустные мелодии крестьянок. У женщин были голоса низкие, красивые, звучные. Первое, что я запела, — «Исходила младешенька» Мусоргского. Так в самом раннем детстве произошло мое знакомство с ним, т. е., строго-то говоря, — с народной песней.

Вдохновенным светом лучились теплые глаза Олениной, когда речь шла о Мусоргском:

— Он всю жизнь оставался для меня любимым композитором. Сказав новое слово в музыке, Мусоргский проложил свои пути в искусстве. Великий народоловец, он говорил: «Я разумею народ как великую личность, одушевленную единой идеей». И с какой проникновенной силой раскрыта идея величия русского народа, ее дух в песне Марфы из «Хованщины».

Высок творческий подвиг Мусоргского, трагична его судьба. Сорок лет русское общество не знало лучших творений Мусоргского, умершего в страданиях и нищете. И воистину велик гражданский подвиг Марии Алексеевны, о котором еще в январе 1909 года писала газета «Речь»: «Для того, чтобы Мусоргский получил теперешнюю свою известность, надо было, чтобы в России родилась Оленина... Чтобы у нее оказался чудесный и полный своеобразного очарования талант. Чтобы в душе ее зазвенели те самые струны, что звучали в душе забытого русского композитора, и чтобы исполнение и исполняемое слилось у г-жи д'Альгейм в одно прекрасное целое...»

Мы в гостинице «Пекин», где остановилась артистка. Листаем пожелтевшие от времени афиши, рассказывающие о десятках, сотнях выступлений Олениной в Москве, Петербурге, Париже, Бельгии, Швейцарии, Англии, и видим, как всходила звезда Мусоргского, как высокий взлет его мировой славы озарял творческий путь замечательной русской певички. Да, именно русской. В голосе ее, мудрых глазах, улыбке, самой манере думать и говорить светятся та сердечная задушевность, теплота, всепоглощающая любовь к искусству, не поверхностная, а выношенная в самом сердце убежденность, душевная чистота и щедрость.

О замечательной русской певичке говорили во всех странах мира.

«...Еще бы душе не проснуться у всех, у самых равнодушных, у самых заскорузлых, у самых прозаиков, когда несравнимая певичка с таким вдохновением повторяла страстно, шепотом, чудесные слова...», — писал В. Стасов о мастерстве Олениной. «Композитору нельзя и желать более верной сотрудницы. Все в ее исполнении было выражено с точностью, которая граничила с

чудом», — заметил об исполнении Марией Алексеевной произведений Мусоргского композитор Дебюсси.

И понятно, что для души такого склада, как у Олениной, оказались органически близкими образы и мелодии, рожденные гением «Могучей кучки». С волнением рассказывает артистка о Балакиреве, Кюи, Чайковском, Римском-Корсакове.

В зените своей славы Петр Ильич Чайковский приехал в Петербург. Его чествовали на квартире Балакирева. Кюи, Стасов, Римский-Корсаков расспрашивали московского гостя о новостях, показывали этюды и наброски новых сочинений. Неожиданно Стасов обернулся к сидевшему за ним Оленину, отцу шестнадцатилетней Маши.

— А что, батенька мой! Везите-ка сюда ваших чад Александра и Марию. Пусть дочка исполнит что-нибудь из Петра Ильича. — И, уже обращаясь к Чайковскому, добавил: — Платонова от нее в

Многое вспоминается Марии Алексеевне...
Фото П. ВАСИЛЬЕВА.

восторге. Девчонка не знает нот, а поет — диву даешься.

Лирико-драматическое сопрано Ю. Ф. Платонова, хлопотами которой осуществлена первая постановка «Бориса Годунова», была непререкаемым авторитетом в таких оценках.

Мария Алексеевна рассказывает:

— Поехали мы с отцом, и вот уже я стою в гостиной Балакирева. Среди собравшихся были Чайковский, Стасов, Балакирев, Кюи, Римский-Корсаков. Я, правду сказать, тогда еще не очень-то разбиралась в этих именах и довольно смело спела несколько романсов Чайковского и Балакирева.

— Умница, — похвалил Милый Алексеевич. Он прошел вместе с гостями в столовую, посадил Марию рядом с собой и уже весь вечер не отпускал.

Балакирев и его друзья не знали в тот вечер, что они аплодировали не только будущей талантливой русской певичке, но и верному своему союзнику в битвах, неутомимому пропагандисту творчества «Могучей кучки».

В сотнях концертов несла она людям творчество «Могучей кучки» и если слава Балакирева и Римского-Корсакова гремит сегодня по всему миру, то для этого немало потрудились и старейшая русская певичка.

Долгие годы прожила она на чужбине. Прожила, страстно мечтая о Родине. О ней думала она, помогая в годы войны французским партизанам. Ее образ стоял перед ее глазами, когда она открывала

— Атомные бомбы, сброшенные американцами на беззащитные японские города Хиросиму и Нагасаки, возмутили человеческую совесть, — рассказывает она. — Хиросима была страшным уроком для людей. Я поняла, что нельзя жить только в мире искусства и музыки. Нужно было бороться, протестовать, требовать запрещения ядерного оружия.

Еще в годы войны я поняла, что единственная партия, защищающая все ценное, созданное человечеством, и ведущая человечество вперед, — это партия коммунистов. И я говорила и говорила это всем, кто еще блуждает в темноте предразсудков или обмана.

Тогда, в октябре 1945 года, я вступила в Союз французских женщин, в ряды тех, кто объявил войну войне. Тогда же, в 1945 году, меня приняли в славную Коммунистическую партию Франции...

Плавное течет ее рассказ, рассказ человека, прошедшего огромный жизненный путь, путь к высшей правде нашего века, к идеям, открывающим перед искусством те самые горизонты, о которых мечтали и Балакирев и Чайковский.

А. ЕЛКИН.
А. ЗОЛотов.

273